

18+

ИЗ ЦИКЛА DEEP FAIL STATE

БАЙКИ ПУСТОШЕЙ

18+

ПИТЕР ЧАРСКИ

Питер Чарски

**Байки пустошей. Из цикла
DEEP FAIL STATE**

«Издательские решения»

Чарски П.

Байки пустошей. Из цикла DEEP FAIL STATE / П. Чарски —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620101-9

Постъядерные пустоши — место еще то: зараженные руины городов и выжженные пространства, кишасшие дикими зверями, бандами мародеров и толпами безумных ползунов. От былой цивилизации остались только небольшие поселения и стойбища дикарей с первобытными нравами. В общем, героям нового мира скучать не приходится. Одни пытаются выжить благодаря запасу патронов, неординарным способностям и дозе чего-то бодрящего. Другие воссоздают на отдельных территориях прежний порядок. А третьи просто сажают яблони. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-620101-9

© Чарски П.
© Издательские решения

Содержание

Эпизод I.	6
От автора	6
1. БЕКИ I. Стоянка Двухголового Медведя. Сентябрь 2046	7
2. ДЕ ЛА ВЕНЖ I. На восток от руин Далласа. Октябрь 2046	12
3. ДЕ ЛА ВЕНЖ II. Стоянка у Песчаных Озер. Май 2047	15
4. ГЕНРИ ДЖОНС I. Радиоактивные руины Хьюстона. Август 2046	21
5. ДЕ ЛА ВЕНЖ III. Поселение Килл-Гор. Декабрь 2047	25
6. БЕКИ II. Где-то у Плохих Земель. Январь 2048	29
7. ГЕНРИ ДЖОНС II. Склады Корпус-Кристи. Весна 2048.	33
Четвертый Год-на-Платформе	
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Байки пустошей Из цикла DEEP FAIL STATE

Питер Чарски

Корректор Сергей Барханов

© Питер Чарски, 2023

ISBN 978-5-0062-0101-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод I. 2046—2055

Это было время, когда сто человек придерживались сотни различных взглядов и нельзя было сказать, кто из них прав.

Кондо Исами,
командир синсэнгуми

Всего бывает либо одно, либо много.
Дикари из племени Двухголового Медведя

Первое поколение – батраки, следующее – дикари.
Джон Уиндем

От автора

В этой повести, первой в цикле Deep Fail State (комбинируется по желанию читателя как Deep Fail, Deep State, Fail State или же Deep Fail State – все варианты имеют свой смысл), девятнадцать весьма натуралистичных сцен убийства людей, дикарей и животных, семь анатомически подробных описаний половых актов, шесть детально и корректно описанных боевых столкновений взводного уровня, пять сцен употребления различных запрещенных к обращению веществ и восемь рецептов по выживанию как в дикой природе, так и среди одичавших людей. А также несколько сотен строк философских диалогов о том, куда девался старый комфортный мир и как жить в безумном новом. Кроме этого, в тексте не поддающееся подсчету количество бранных слов, немного самых настоящих баек, чуть-чуть патронов, вонь бензина пополам с запахом пота и неугасимая жажда жизни. Именно так, по мнению автора, должен выглядеть настоящий постапокалипсис: яркий, веселый, грязный, скабресный, возбуждающий, кровавый, смертельно опасный, но только не скучный.

1. БЕКИ I. Стоянка Двухголового Медведя. Сентябрь 2046

Бомбы упали на города, испепеляющим огнем выжигая все живое. Миллионы людей погибли во сне, так и не успев проснуться навстречу первому Ядерному Дню. Выжившие, те, кто уцелел от разрушительной взрывной волны и спасся от пламени охвативших города пожаров, в ужасе бежали прочь от бетонных остовов зданий, в одно мгновение превратившихся в гибельные радиоактивные руины...

Бейсбольный стадион с уже нечитаемым названием, от которого осталось только «...тон Филд», был полностью оккупирован зеленью. Плющ кудзу покрыл собой трибуны и ограждения, превратив их в склон зеленого холма. Кое-где трибуны провалились, и в зеленой пеннистой массе зияли провалы и впадины, мимо которых порхали небольшие птички. Само поле стадиона сильно заросло мелкими деревьями и кустарником, в основном крушиной. Здесь нечего было искать, и Беки, пожившись от мысли, что сейчас надо будет проделать обратный путь вниз трибун, опираясь на прогнившие доски и подтягиваясь на еле держащихся проржавевших поручнях, уже собиралась начать спуск, как вдруг что-то на горизонте привлекло ее внимание. Она сложила руки козырьком, зажмурила на секунду глаза и, снова открыв их, изо всех сил попыталась рассмотреть долину, расстилающуюся за границами руин. Вдали, уже почти спустившись в небольшую ложину, довольно быстро двигался, испуская длинный шлейф пыли, какой-то объект. «Это машина!» – внезапно поняла Беки. Это была первая движущаяся машина, которую она увидела за последний год.

Беки была умнее большинства людей, если их так можно было назвать, которых она встречала во время своих странствий в пустошах и поблизости от развалин городов. Большую часть времени она была такая же грязная, как и они, и так же заботилась только о том, чтобы набить свой желудок. Но в отличие от них всех она по крайней мере умела читать, писать и складывать двузначные числа в столбик. Где она этому научилась в мире, в котором последняя школа сгорела двадцать лет назад, никто так и не узнал, а свои тайны Беки хранила до самого конца. И в отличие от дикарей она не верила в магию, заговоры, духов, призраков, двухголового, поднятых и прочую чушь. Она верила только своим глазам, а острое от природы зрение и полученные в странствиях навыки следопыта обычно давали ей значительную фору: она чаще была незамеченной или оставалась в итоге непойманной. И еще: она не боялась рифмованных слов, они на нее вообще никак не действовали!

Бывший лагерь беженцев, возникший на границе Миссури и Арканзаса и теперь известный как стоянка Двухголового Медведя, располагался в местности, где долина плавно переходила в предгорье. Далее на север шли только узкие лесные дороги, петлявшие к горам Озарк, а на юге начинались бескрайние тexasские пустоши, и в хорошую погоду на юго-западе можно было разглядеть остовы далеких зданий. В общем, лагерь стоял в достаточно удобном для обороны месте. Он был грязным, вонючим и наполненным отчаянием, но Беки по прозвищу Глотка, которая в первых числах сентября босой вошла в ворота лагеря, кутаясь в разорванное одеяло, почувствовала себя тут в своей тарелке. Она тоже была грязной и вонючей, а отчаянием своим легко могла бы поделиться. И еще она очень хотела пить и была готова сделать все что угодно за глоток воды.

Охрана на входе в лагерь пропустила ее без лишних вопросов, просто облапав и отобрав небольшое зеркальце, – к такому обращению Беки вполне привыкла и нисколько не расстроилась. Она направилась прямо в центр стойбища, ведь дикари всегда располагают шатер

вождя в самом центре, как будто это ось мироздания. К тому моменту, как она добралась до шатра, новость о ней уже разлетелась по всему поселению, и вокруг собралась небольшая толпа. «Женщина из пустошей пришла! Женщина от Повелителя Тедди пришла!» – громко шептали кругом и показывали на нее пальцами.

Беки вошла в большой полосатый шатер Вождя Быков и встала перед его тронем, представлявшим собой богато украшенное кресло от экскаватора. Вождь, могучий и грузный полуголый мужчина, весь покрытый татуировками и увешанный оберегами из гаек и болтов, взялся руками за рычаги по обеим сторонам своего трона и принял царственную позу. Зрители потихоньку наполняли шатер, протискиваясь вслед за Беки и располагаясь по сторонам. Кажется, раньше здесь было что-то вроде круглой арены, хотя зачем кому-то понадобилась круглая арена внутри полосатого шатра – Беки даже представить себе не могла.

– Кто ты, женщина из пустошей, и как тебя называют другие? – строго спросил Вождь Быков, выпучив глаза и раздув ноздри своего расплющенного носа, отчего тот занял почти половину лица.

– Я Беки по прозвищу Глотка, также меня называют Беки Шлюха и Беки Сперма, – отвечала Беки, потупив взгляд.

Вождь нахмурился и почесал бороду корявой пятерней. Завитые в бороде гайки и железки издали мелодичный звон. Вождь Быков немного подумал. Потом погладил себя по выпуклой и масляной груди, сжал руки и напряг громадные бицепсы. Весь шатер с благоговением наблюдал, а Беки стояла в середине и как будто случайно немного раскрыла свои лохмотья спереди, чуть обнажив грудь.

– Так тебя называют враги или друзья? – наконец произнес Вождь, продолжая разглядывать свой бицепс.

– Люди, – просто сказала Беки.

– Ушли все, кроме нее! – неожиданно прогремел вождь, схватил стоявшую рядом боевую дубину и со всех сил ударил в висящий на цепи гнутый лист железа.

Грохот был такой, что у Беки потемнело в глазах. Когда все воины, прислужники, жены и просто зеваки с воплями и визгами выбежали из шатра, а Вождь с Беки остались одни, он сказал:

– Иди сюда, женщина из пустошей, и покажи Вождю Быков все, что ты умеешь делать для мужчины.

И Беки показала все, что она умеет делать для мужчины и как она это умеет делать, а возможно, даже и немного лучше. Через пару часов обессиленный вождь курил самокрутку с дурной травой, растянувшись на коврах позади своего трона. Самокрутку ему только что ловко смастерила Беки, которая теперь лежала, удобно устроившись на его необозримой волосатой груди, пальцем водя по татуировкам и глупо улыбаясь. Дурная трава, которую она обменяла в Деревне Брызговики на зажигалку и серебристую ложечку, была, как говорится, что надо. Хотя ложечку ей было жалко, она могла еще пригодиться, если вдруг Беки повезет и она найдет где-нибудь в руинах чистый шприц.

Беки протянула руку и нащупала где-то глубоко под тряпками внушительное хозяйство Вождя Быков, немного помяла его и предложила:

– Вождь хочет еще джага-джага?

– Не-е-ет, Беки по прозвищу Глотка, Вождь Быков теперь пуст. Его яйца устали. Его член устал. Вождь будет лежать и славить духов дурной травы!

И с этими словами Вождь Быков сделал поистине королевскую затяжку, даже не закашлявшись. Огонек на самокрутке бешено заплясал, треща и брызгая крохотными искрами.

Беки взглянула с уважением и мягко взяла у него из рук самокрутку, тоже затянувшись, чтобы немного проветрить мозги. Вождь между тем выпустил из своих легких струю дыма

прямо вверх, став на секунду похожим на паровозика Томаса, рисунок которого Беки недавно видела на стене в руинах Талсы.

– Ты можешь гостить у Вождя Быков сколько хочешь, Беки Глотка. Ты нравишься Вождю Быков, – добродушно пророкотал Вождь Быков. – И твоя дурная трава тоже, ха-ха!

– Спасибо, могучий вождь, а могу я задать вопрос?

– Да, спрашивай у Вождя Быков все, что ты хочешь знать, добрая женщина, ха-ха-ха!

– Машина, которая недавно приехала в стойбище, – где она сейчас?

Вождь нахмурился и почесал грязную ногу.

– Беки Глотка, Вождь Быков не знает, откуда прибыла эта самоходная повозка. Люди-безлиц в странной броне приехали на ней, забрали нашу воду и нашу землю, совсем немного воды и земли, а потом подарили нам патроны и быстро уехали. Они не сказали куда. У них, верно, нет своей земли. Нет своей воды. Но много патронов. Хороший обмен для Вождя Быков!

– Спасибо тебе, великий Вождь Быков! – почтительно сказала Беки. – Позволь и я тебя отблагодарю, у меня есть важная новость о том, что происходит в пустошах вокруг твоего стойбища...

Вождь Быков сосредоточенно что-то жевал и размеренно покачивал головой, в это мгновение напоминая самого настоящего быка.

– Я скитаюсь по пустошам сколько себя помню, – начала Беки. – Много успела увидеть и могу читать следы койотов, вижу налетчиков раньше, чем они меня замечают, не боюсь даже ходить по руинам старых городов... Но недавно, в трех днях пути отсюда, я наткнулась на кое-что ужасное...

– Сказывай далее, Беки Глотка. – Вождь Быков приподнялся на локте и устроился поудобнее на своих коврах.

– В руинах на севере я нашла себе убежище в заброшенном здании, оттуда был хороший обзор, но сильно припекало солнце, и я, видно, задремала. А когда проснулась, солнце уже зашло, кругом был сумрак и по улице стелился туман. Я проснулась от шума и не сразу поняла, что это, так как ничего подобного никогда не слышала. Это был шелест сотен ног, такой тихий шелест, как если бы очень много людей собрались разом вместе и начали, держась друг за друга, медленно идти вперед. Я выглянула и увидела, что вся улица утопает в тумане, а из тумана торчат головы, очень много голов. И они все выходили и выходили из лестницы, ведущей в подземелье.

– Подземные люди? – переспросил Вождь Быков, в задумчивости потирая свой огромный нос.

– Да. В городах много таких мест, где лестницы ведут в подземелья. Говорят, что раньше таким образом можно было быстро пройти из одного конца города в другой, не плутая в руинах, но сейчас большая часть этих лестниц завалена. И они, эти люди, выходили на поверхность, шатались, держась друг за друга, а потом шли и шли вперед. Их там, похоже, очень много и еще семь раз по много, и идут они на юг, то есть сюда...

Даже такой могучий и уверенный в себе человек, как Вождь Быков, не смог сразу сказать, врет женщина из пустошей по прозвищу Беки Глотка или ей просто что-то показалось там, в развалинах. Никто из стойбища не ходил в руины как после захода солнца, так и днем, давно уже не было в этих землях таких смельчаков. Поэтому Вождь Быков подумал-подумал да и решил отослать Беки Глотку к старухе-знахарке, которая жила на самой окраине лагеря. Ведь если дело касается довоенного колдовства, то кто лучше знахарки разберется?

Пригнувшись, Беки вошла в маленькую палатку знахарки племени, обозначенную старым символом милосердия – зеленым крестом. Такие кресты Беки часто встречала в руинах,

и обычно где-то рядом были спрятаны таблетки, среди которых попадались иногда очень вкусные.

– Приветствую тебя, мудрая старая женщина, – сказала Беки и, слегка склонившись, вручила свои дары: две помятые упаковки с таблетками, которые на прошлой неделе нашла на развалинах Пайнвилла.

– Приветствую и тебя, юная леди! – прошамкала старуха, жадно схватив подарок. – Так-так-так, это от червей в животе, а это... это, видно, от головы, хотя... Благодарю тебя за щедрые дары, юная леди!

– Что за странные слова – «юная леди»? – подняла брови Беки.

– О, это хорошие, верные слова, – торопливо отвечала старуха. – Так называли благородных и щедрых принцесс в старые времена.

– А ты помнишь что-то о старых временах? – спросила Беки, присаживаясь на земляной пол.

– Да, конечно, юная ле... Я ведь прожила жизнь полной горстью, – отвечала старуха с горькой усмешкой.

– Так расскажи мне! Что было перед Концом? – потребовала Беки. – В оплату моего дара!

Законы гостеприимства в пустошах святы для всех дикарей, даже самых опустившихся. Если кто-то принес дар и дар был принят, он имеет право знать то, что пожелает знать. Поэтому старуха покачала головой, села на коврик рядом с Беки, взяла ее за руки и, монотонно поглаживая их, начала немного нараспев историю, которую, видимо, она уже много раз рассказывала в стойбище.

– Вначале в мир прибыли Четыре Хозяйки, вместе их называли Хозяйки Клыки. Четыре могущественные ведуньи, сила которых превышала силу вождей и королей, прилетели к нам с четырех сторон света. Вот их имена, только не произноси их во тьме! Гуголь – всезнающая владычица монстров, что рыщут в ночи. Митта – завистливая повелительница воспоминаний. Мазон – алчная торговка, она могла продать все и купить все, все деньги мира принадлежали ей. Ликс – похотливая хозяйка зрелищ, всегда жадная до праздников и карнавалов. И была еще одна, прекрасная, как заря, Богиня Яблоко, повелевавшая всеми черными зеркалами мира, но главными были эти четыре! Великолепная, блистательная четверка так захватила умы всех людей, так их заморочила, что они стали слепы к злодеяниям этих ведьм.

Старуха закатила глаза и, раскачиваясь в такт, начала тихонько подвывать. Когда Беки это уже надоело, старуха вдруг очнулась и продолжила:

– Из гнилого чрева Гуголь вышли чудовищные монстры, увлекавшие людей яркими картинками, хватавшие их за душу и сводившие их с ума! Митта похитила все счастливые воспоминания людей, и они остались без своего прошлого, забыли, кто они и кем были вчера! Мазон продала людей демонам, потом купила и затем снова продала, а после исчезла в волшебной пыли, весьма довольная собой! Ликс повсюду распространяла столько разврата и похоти, что до сих пор ее нестерпимая вонь еще не выветрилась из этого мира! Эти злодеяния так расстроили Богиню Яблоко, что она отвернулась от людей. Когда все черные зеркала погасли и Богиня Яблоко покинула этот мир – вот тогда и начался Последний День! И был он долгим, как нескончаемый закат...

Старуха опять впала в транс, а Беки с интересом начала разглядывать ее палатку. Историю про Четырех Хозяек она уже слышала, а в стойбище Двухголового Медведя легенда отличалась только некоторыми малозначительными деталями. Старуха открыла глаза, некоторое время дико вращала ими, а потом снова заговорила:

– О-о, оу-оу, люди были так безумны, что дети нападали и ели своих родителей, старухи бесстыдно плясали нагишом, мужчины становились женщинами, а женщины – мужчинами, и так было, пока не появилась Богиня Корона, укрыв весь мир своим смертельным саваном. Многие говорили, что это Богиня Яблоко вернулась во гневе, другие твердили что слуги

Короны – летучие мыши виноваты во всем, но... – Тут старуха осеклась и пошамкала беззубым ртом, словно забыла, что говорила.

– Что случилось? – спросила Беки.

– Да все умерли, вот что случилось! Почти все, очень мало людей осталось. И среди оставшихся одна я помню, как все было!

– Спасибо тебе за рассказ, – сказала Беки, аккуратно вытаскивая свои руки из скрюченных пальцев старухи. – Но скажи мне еще вот что: как мне избавиться от вшей? Есть ли у тебя лекарство? Я слышала, что есть особое средство, которое называют «дегтярное мыло»...

– Оу-оу, брось эти глупости. Людям известно! – Старуха важно подняла скрюченный палец. – Людям известно, что вши всегда живут в человеке, в самом центре его головы. Они выбираются наружу через поры кожи, когда человеку плохо и он обуреваем грязными, похотливыми мыслями. Достаточно навести порядок вот тут, – старуха постучала себя по лбу, – и вши уйдут! А это твое мыло – где ты его сейчас найдешь...

Житие Св. Беатрисы Греиницы (здесь и далее приводится по изданию 2094 года, от Совета кардиналов Новоримской старокатолической церкви): «Было это в начале сентября, когда багрянец покрывает горы Озарк и являются они как бы горящими неопалимым огнем в лучах долгого закатного солнца. Было это осенью семнадцатого от падения бомб года, или же 2046 года от Рождества Христова. Стойбище Двухголового Медведя продолжало жить своей жизнью и после того, как Святая Беатриса, которую в те дни звали Беки по прозвищу Глотка, получив достойный призор и ночлег, покинула его. Нас не должно смущать, что святую заступницу в те времена именовали таким грязным именем. Ибо сказано в Писании: по делам твоим будет дано и имя тебе, а дела Беатрисы в те годы были все более скверные и греховные. Она воровала и туманила свой разум разными дьявольскими снадобрьями, до которых в ту пору была большая охотница. Но в каждом, даже самом пропащем, человеке есть искорка Божия, кусочек истинной доброты от Создателя. И Беатриса решила предупредить жителей стойбища Двухголового Медведя об опасности, которая им угрожала. Но никто ей не поверил, ни могучий вождь племени, ни мудрая знахарка, ни воины, ни жители поселения. А между тем странные существа из пустошей, лишь внешне похожие на людей, но мертвые как изнутри, так и снаружи, о которых рассказывала святая заступница, вскоре появились в ночи. Они возникли толпой на дороге севернее стоянки Двухголового Медведя, скрываясь во тьме. Они напали на поселок этой же ночью, вызвав всеобщую панику и убив многих. Большая часть жителей бежали на северо-восток и укрылись в горах. Воины во главе с Вождем Быков яростно бились с пришельцами и многих уничтожили, но силы были слишком неравны. Говорят, что сам Вождь Быков своей боевой палицей размогзил десять голов тварей из пустошей. Но многих из своих людей в те окаянные дни и проклятые ночи Вождь Быков недосчитался. Спасаясь от нападения обитателей пустошей, прозванных впоследствии „ползунами“, население стойбища Двухголового Медведя обогнуло зараженные руины Оклахомы с севера и вышло к другому лагерю беженцев, возникшему здесь сразу после Дня Бомбы. Вначале охрана не хотела пускать беглых чужаков, лишившихся дома, на свою стоянку, но после долгих переговоров люди племен Медведей и Быков решили объединиться. Почти сразу же начались сборы в дорогу – было решено откочевать в восточные горы и там создать новый большой поселок, поскольку создания пустошей все еще шли по следу переселенцев...»

2. ДЕ ЛА ВЕНЖ I. На восток от руин Далласа. Октябрь 2046

Утренняя заря неуверенно поднялась над залитыми горем просторами штата Техас, но его жители так и не увидели солнца в этот и последующие дни – оно было скрыто за дымом пожарниц, поглотившим все небо. Солнечный свет уступил место туманной мгле, а потрескивание счетчиков Гейгера заглушило пение птиц. Люди продолжали бежать из опасных городов, боясь, что новые бомбы упадут на их головы. Немногие стучались в запертые двери убежищ, искали спасения у властей, но чиновники и полисмены покинули город первыми, еще до начала всеобщего бегства. И исход из павших городов продолжился. Десятки и сотни тысяч людей сменили уютный дом на незавидную долю беженца и, нагруженные своим нехитрым скарбом, заполнили дороги страны. На выезде из городов стояли громадные пробки брошенных автомобилей, на заправках начались стычки за каждый галлон бензина. Города издыхали в огне и копоти, и их последним предсмертным хрипом, их мутной рвотой был этот нескончаемый людской поток...

Утром 4 октября 2046 года разведывательно-штурмовой отряд «Спартанец Один» под командованием девятнадцатилетнего полевого командира Техасской Директории Жана Де Ла Венжа был атакован на старой дороге, ведущей к руинам пригородов Далласа, где-то в районе немного южнее Красной реки. Может быть, между озерами Джима и Боба, а может быть, и чуть западнее, где стоит знаменитый Дом Билборда, который теперь называют Домом Висельников – после того, как там в позапрошлом году в полном составе развесили всю банду Птички. Нападавших было человек тридцать или даже больше, и что заставило их атаковать отряд военных, осталось загадкой. Они появились неожиданно из близлежащего леса и начали приближаться к стоявшей на дороге колонне машин, отчаянно крича и прищипывая своих тощих лошадей. Огонь они открыли первыми. Ответные очереди из тяжелого пулемета, загрохотавшего на всю округу, внесли смятение в их ряды, несколько лошадей от испуга сбросили седоков, часть повернули обратно к лесу, и только самые отъявленные продолжали нестись вперед, навстречу гибели. Стреляли они плохо, никто из солдат Де Ла Венжа не был даже ранен, а вот ответный огонь был убийственным: десятка полтора трупов, разбежавшиеся лошади, – и на этом все быстро закончилось. После короткой стычки Жан Де Ла Венж вместе с сержантом Джеймсом Догги обошел поле боя в поисках раненых, но, как известно, «точка пятьдесят» раненых не оставляет. Им удалось найти одного бандита, который еще дышал, прижатый к земле трупом его лошади с развороченным пулей брюхом. Его левая рука была почти оторвана и держалась только на лоскутах кожи, а песок под ним уже окрасился быстро растущим кровавым пятном.

– Изойде томадачи! – резко произнес Де Ла Венж, обращаясь к Догги. – Спросить, откуда он.

– Откуда ты?! – хрипло проорал Догги, хватая раненого за здоровое плечо так, как будто тот может убежать.

– ...зебичи, – еле слышно простонал тот разбитым при падении ртом.

– Откуда ты?! – повторил Догги.

– Эк... зеб... зебичи... – прошептал бандит и отключился.

– Оемас, – коротко скомандовал Де Ла Венж и отошел в сторону. Выстрела он не услышал, скорее всего, Догги просто прирезал бандита.

– Все равно не жилец, – сказал Догги, подходя сзади и вытирая нож ветошью, которую носил на такой случай за ремнем. – Рука у него на ниточках прям болталась, жуть!

– Где этот Эшкебич? – спросил Де Ла Венж.

– Экзэбиче? Ублюдок точно оттуда, да и клеймо на лошади вон ихнее. Да, есть такой гадюшник, милях в ста пятидесяти отсюда на юго-восток. Сначала на восток по тридцатке, потом по сорок девятой, пятьдесят девятой и, наконец, шестьдесят девятой. Затем опять на восток и выйти к Красной реке. И, считай, добрались – там уже сразу за заросшим аэропортом будет этот Экзэбиче.

– Откуда ты все помнишь, если не уметь читать, томодачи? – улыбаясь, спросил Де Ла Венж.

– Дык, это... память у нас хорошая. Если не запомнишь – считай, все, потерял. Это вам вон, грамотным, кто читает, все равно. Если что забыл – взял бумажку и прочитал! А нам так нельзя, нам память надобна! – осклабился полным ртом грязных зубов Догги.

Де Ла Венж и Догги уже дошли до бойцов отряда, все еще охранявших периметр вокруг колонны. Де Ла Венж сделал обычные на этот случай распоряжения (проверить трупы, собрать патроны и оружие, лошадей свалить у дороги, а бандитов развесить на деревьях), дал им два часа на все, включая привал, и полез в свою кибитку пропустить стаканчик. После любого боя, даже очень небольшой стычки, у него дрожали руки, и единственным верным средством тут были несколько глотков жгучего шотландского пойла из запасов Тристары.

Де Ла Венж в своей щегольской форме техасского кавалериста, со своими скромными знаниями английского, позволявшими ему общаться лишь короткими фразами, хоть и выглядел среди ополченцев «Одинокой Звезды» белой вороной, но пользовался безграничным уважением. Никто не знал, что случилось в прошлом этого девятнадцатилетнего мальчишки, что сделало его таким, но все чувствовали, что эту тайну лучше не трогать. Лучше даже не подходить к ней близко. Свое придуманное французское имя Де Ла Венж также никому не объяснял, а как его звали на самом деле и кому он мстит всю жизнь под этим псевдонимом, так никто и не выяснил даже много лет спустя.

Большую часть своей жизни он провел на этих вот дорогах, заросших травой и небольшими деревцами, с потрескавшимся асфальтом, которые теперь ведут из одного заброшенного места в другое и проходят тоже сплошь через заброшенные места. Асфальт давно весь покрылся паутиной трещин и стал бурым от нанесенной земли, но кое-где на нем еще были видны следы от колес старых автомобилей. Иногда эти дороги петляли, а иногда они шли удивительно прямо. По сторонам обычно стояли пустые дома, фермы и гаражи. Некоторые из них выглядели совсем разрушенными, а другие все еще стояли как раньше, но, конечно, стояли совсем пустыми. Перед каждым руинами отряд встречал остовы старых автомобилей, на которых кто-то пытался покинуть это место. Чем ближе к руинам, тем больше их становилось. Некоторые из них все еще были на своих колесах, а другие сгорели и уже давно превратились в груды металла. Обычно вокруг была тишина, и только ветер шелестел листьями деревьев.

Иногда Де Ла Венж, приметив еще издали какой-нибудь особенный дом, отличающийся или фасадом, или цветом, или степенью своей сохранности, приказывал колонне остановиться и шел до этого дома пешком один. Дом всегда выглядел заброшенным и пустым, но в его окнах еще были видны остатки старой мебели. Де Ла Венж медленно обходил его по периметру, заглядывая в окна и размышляя, каким был этот дом в те времена, когда здесь жили люди. Он заходил внутрь и видел, что на стенах с потекшими обоями висели старые фотографии, в столах хранились документы, а на полу лежали осколки разбитой посуды. Иногда он видел трупы или то, что от них осталось, и тогда он быстро покидал дом. Ему не хотелось рассматривать останки обитателей этого жилища, лучше было просто придумать, какими они могли быть. Отряд обычно терпеливо ждал своего командира на дороге, иногда используя такую остановку для того, чтобы просто размяться или выслать вперед патруль. Они не шумели, так как знали, что Де Ла Венжу нельзя мешать. Догги всегда говорил в таких случаях: «Он пошел на разведку. У него нюх на всякие старые места, он, как колдун, видит их насквозь».

Материалы следствия дисциплинарной комиссии Вооруженных Сил Директории. Рапорт №34 от 12.10.46: «О действиях тактической группы л-та Д. Л. Венжа за отчетный период имею доложить следующее. Группа была атакована пятого окт. в р-не [пропуск] конным отрядом одичавших местных. Это произошло на дороге, ведущей к руинам Далласа, южнее Красной реки и [неразборчиво]. Нападение было отбито путем нанесения ответного огневого поражения из крупнокалиберного пулемета, приданного отряду. До полутора десятков бандитов уничтожено, расход боекомплекта составил 78 ед. В ходе допроса выживших командир отряда Венж выяснил, что эти люди принадлежали так называемой стоянке Экзэбиче. Выживший был добит сержантом Догги после устного распоряжения Венжа без расхода боеприпасов. Далее вместе с прибывшим из базового лагеря пополнением Венж предпринял рейд к упомянутому стойбищу и захватил его, быстро сломив сопротивление противника. Таким образом, территория южнее лагеря «Одинокая Звезда» была освобождена от крупной группы конных мародеров, представляющих очевидную опасность для торговых караванов. Считаю действия командира Венжа в данном эпизоде адекватными и своевременными, не выходящими за границы его должностных полномочий. Подпись: [неразборчиво].

3. ДЕ ЛА ВЕНЖ II. Стоянка у Песчаных Озер. Май 2047

Тягач выпускал клубы черного дыма из своих труб и конвульсивно дергался, пытаясь сдвинуть здоровенную транспортную платформу, на которой бронированной горой возвышался танк. Дикий надсадный рев, клубы дыма – и немного вперед. Снова рев, как у паровоза, опять все вокруг в едком дыму – и чуть-чуть назад. Встать по диагонали шоссе никак не получалось, угол обстрела для танка был неудобным, и Де Ла Венж, придерживая на голове свою шляпу, каждый раз перебирался с башни танка на кабину тягача, что-то кричал, стучал кулаком по крыше, но дело не двигалось. С изгиба шоссе открывался вид на небольшую долину, в которой, окруженный частоколом, стоял поселок, известный как стоянка Песчаных Озер.

Бойцы отряда рассыпались вокруг и были почти не видны в кустарнике. Огонь они не вели – сэкономили патроны. С башни танка, куда была пристроена защищенная сверху и с боков башенка, сержант Сталь вел стрельбу одиночными из «пятидесятки». Пух-пух, пух-пух. Без особого успеха, но над стенами поселения тут и там вздымались небольшие облачка пыли, которые тотчас сносило ветром. Периодически там возникали и другие облачка, более светлые – это осажденный гарнизон палил в ответ из своих самопалов. Тяжелые свинцовые пули на излете проходили над дорогой, противно жужжа, иногда попадали в стальные листы, прикрывавшие все жизненно важные части тягача. В принципе, так могло продолжаться долго...

Де Ла Венж придирчиво рассматривал частокол в прицел своей винтовки. У него была очень редкая штурмовая винтовка «булл-пап», похожая на хищную рыбу. Она была вся расписана иероглифами, а сам Де Ла Венж называл ее не иначе как Сино Каге, что в переводе означает «Тень Смерти». Наверное, в прошлой жизни эта винтовка была самурайским мечом с богатой историей и хорошей родословной. Обычно он ее использовал как бинокль, вот как сейчас, но пару раз солдаты видели Тень Смерти в деле и были этим очень впечатлены. Оружие свое Де Ла Венж держал в великолепном состоянии, винтовка била ярдов на пятьсот или даже семьсот, и он с такого расстояния частенько умудрялся попадать точно в голову. В сорок четвертом он снял снайпера с частокола при штурме Барахолки, чем спас жизнь Догги и еще двоих.

Наконец Де Ла Венж прекратил изучение поля боя и крикнул в люк танка:

– Ворота справа! В правый половина! Давай-давай, са-са!

Со второго выстрела танк попал в правую створку ворот и разнес ее вдребезги. Левая створка встала наискось, несколько бревен эффектно взмыли вверх и, перевернувшись в воздухе, упали, подняв облако пыли, а из-за перебитой несущей балки дозорная башня, возвышавшаяся над воротами, накренилась, и из нее куда-то внутрь форта выпал один из оборонявшихся.

– Вперед! Са-са! – скомандовал Де Ла Венж и прыгнул с танка, намереваясь возглавить финальную атаку.

После того как ворота упали, все закончилось в десять минут. Гарнизон покинул стены и разбежался, побросав самопалы и копья, а солдаты Де Ла Венжа рассеялись по всему поселку, прочесывая улочки и дома. Убитые при взрыве ворот и штурме остались лежать вокруг, а легкий майский ветерок трепал волосы на их мертвых головах. Внизу двое солдат и сержант Догги возились с телами убитых, а Де Ла Венж корректировал их усилия сверху, забравшись на покосившуюся дозорную вышку.

– Давай-давай, са-са, ноги ему подогни! Этому, в синей рубахе. Нет, который дальше. Ага, хорошо, томодачи! Следующую!

Догги разогнулся, утер пот и, тяжело дыша, произнес:

– Тяжелые они, боровы, фунтов за сто каждый! Солнце палит ужас, попить бы! – прокричал он наверх, держа ладонь козырьком.

– Выложить, тогда и попить! – ответил сверху Де Ла Венж, свесившись на перилах. Его винтовка была закинута за спину, в зубах торчала травинка, а на боку болталась поблескивавшая медью кавалерийская сабля.

Буква «джей» была уже почти готова, очень удачно сложившись из двух тел: первое, в оранжевой бесформенной рубаше, составило верхнюю часть буквы, а второе, в синем, с подогнутыми коленями, стало нижней.

– Руку! Тэ! Руку ему уберите! И еще один нужен. Это пока не буква «дэ», а херня! Дета-рамэ! Давай-давай, шевелись, го-го-го! – Де Ла Венж наверху захлопал в ладоши.

– Мы ващ-ще зачем эту дишь творим? – тихонько спросил у Догги один из солдат, новенький, еще без клички, с выбитыми справа зубами. Говорил он с присвистом и заметно шепелявил.

Догги злобно зыркнул на него:

– Тихо ты, бля, он услышит. Тихо, понял!

– Да я шихо, шихо, – пробормотал солдат, подтаскивая очередной труп за ноги. – Ух, тяшелей какой, сволочь...

– Это вроде как наша метка особая – объяснил Догги. – Мы везде, где побеждаем, выкладываем имя командира из трупов.

Сверху застучали подкованные каблуки кожаных кавалерийских сапог, и Да Ле Венж появился перед ними собственной персоной, поправил ногой один из трупов и сказал:

– Это саин, автограф. Чтобы боялись. J. D. L. V. – Жан Де Ла Венж. Это я. Сорева вата-сиде.

Затем он повернулся вглубь поселка, сложил ладони рупором и закричал:

– Эй, хайяй! Головы готовы? Хайяй! Головы неси! Са-са!

– Головы нужны всегда, – назидательно сказал Догги, обращаясь к Беззубому. – Головы для точек после каждой буквы мы рубим. Девять трупов и четыре головы.

Идя позади группы зачистки по узким улочкам уже захваченной стоянки Песчаных Озер, Де Ла Венж нехотая вспомнил прием у директора патронного завода «Одинокая Звезда» мистера Эванса, на котором он был пару месяцев назад, когда отряд еще стоял близ трудового лагеря «Три Звезды» на зимних квартирах. Прием проходил в директорской палатке, из яств были в основном складские консервы и разнообразная дичь, а из напитков – богатый выбор крепкого, видимо, из директорских же запасов. Де Ла Венж, по своему обыкновению, быстро набрался и теперь стоял, пошатываясь, чуть в стороне от обсуждавших дела офицеров, когда директор подошел к нему и начал свои обычные расспросы.

– Жан, я вот что хотел у вас спросить, – начал директор, внимательно смотря на Де Ла Венжа своими светло-серыми глазами. – Как далеко вам удавалось пройти на запад?

– До окраин Далласа, не дальше, – произнес низким голосом Де Ла Венж, старательно подавляя позывы к икоте.

Директор покачал головой, взял со стола вытянутый бокал с игристым и некоторое время разглядывал убегающие вверх пузырьки.

– Меня беспокоит запад, а именно – группировка, которая сейчас контролирует Эль-Пасо, – доверительным тоном сказал он. – Известна как «тридцать второе командование», возглавляет ее некий генерал Браун. Такой же военный врач, кстати, как и я в прошлом. Так что мы с ним в каком-то смысле коллеги. Мы регулярно перехватываем их сообщения, по нашей информации, они активно патрулируют окружающую территорию, доходят вроде бы

даже до Ван-Хорна. Там рядом есть логистическая топливная база, большие запасы горючки, я опасаясь, что скоро они до нее доберутся...

– Но они же военные, миста... то есть господин директор. Такие же, как мы, ик! – Де Ла Венж предательски икнул.

– Запомните, мы живем в сумрачном мире и нет друзей на закате. Они такие же, как мы, но все-таки они – это не мы, – ответил Эванс, старательно делая вид, что не заметил оплошность Де Ла Венжа. – Будущий порядок станет определять тот, кто окажется сильнее, мой дорогой Жан. И я бы очень хотел, чтобы это были мы, а не «тридцать второе командование». В конце концов, это у нас патронный завод, пусть даже у них скоро будет нефтяной терминал.

Директор помолчал, поигрывая бокалом в руке. Де Ла Венж обратил внимание, что Эванс совсем не пьет.

– А какие у вас, у «Спартанца Один» я имею в виду, последние успехи? – неожиданно спросил он.

– Лагерь Медведя. Облученного медведя, кажется. До этого Эшкебиче и пара мелких бандитских нычек. Скоро собираемся идти на Песчаные Озера.

– Ну что же, это неплохо, это хороший темп, дорогой Жан, – ободряюще произнес директор, но его стальной взгляд говорил, что он на самом деле не очень доволен. – Но нам нужно энергичнее продвигаться на запад. Именно на запад. К руинам бывшего Далласа. Это центр всей нервной системы штата, самый главный дорожный узел. Кто будет владеть Далласом, тот завладеет всем Техасом. А кто завладеет Техасом...

– Тот будет править всеми штатами, господин директор! – низким басом произнес подошедший сзади Спрингтет, один из офицеров штаба «Одинокой Звезды».

Де Ла Венж не любил штабных офицеров, что было естественно для его положения: популярный в полевых частях командир, плохо говорящий по-английски, с репутацией алкоголика, сумасброда и анархиста, он не мог рассчитывать на их дружбу или хотя бы понимание. Да к тому же еще и лет на десять моложе их всех. Впрочем, Спрингтет был с ним всегда корректен и вежлив, а также регулярно передавал ценные сведения от разведки Директории. Его Де Ла Венж терпел. Но сейчас было важнее другое – продираясь сквозь клубившиеся в мозгах алкогольные пары, иная и очень ясная мысль поразила его. Директория вообще не хочет сотрудничать с другими кланами военных – только доминировать, пользуясь своей силой и стратегическим расположением. Никакого союза, только империалистический захват. И Де Ла Венж, а в основном его образцовый отряд «Спартанец Один», нужен директору (или уже президенту?) именно для этого – форсировать присоединение вольных поселений для будущей борьбы за руины Далласа и власть в Техасе.

Де Ла Венж вынырнул из своих мыслей и обнаружил себя стоящим подле директора среди еще нескольких офицеров. Директор продолжал начатую мысль, обрисовывая руками аккуратные круги. Офицеры внимательно слушали, держа наготове свои бокалы.

– Господа, самое важное для нас – это системный, последовательный и неостановимый напор на запад. Нужно продвигаться вперед и присоединять все эти деревни и поселки к цивилизации, которую мы с вами в этой части Техаса и представляем. Каждое взятое поселение даст нам новых рекрутов, новых солдат. А каждый солдат, вставший сейчас под наши знамена, приближает нас к занятию Далласа. Это даст нам возможности, которые умножатся в сто раз, когда флаг «Одинокой Звезды» будет стоять на крыше Мерка! – Говоря это, директор сжал кулаки.

– За Даллас! – воскликнул Спрингтет, и его дружно поддержали все остальные.

Примерно через час совершенно пьяный Де Ла Венж сидел где-то на задворках военного лагеря и печально смотрел на лужу блевоты, странным образом образовавшуюся около его ног. В голове его шумно и бесконечно, как вертолетный винт, крутилась одна мысль: «Мы живем в сумрачном мире, и нет друзей на закате».

– Томодачи гай най, – еле слышно произнес Де Ла Венж и сплюнул в лужу, но попал на свой кавалерийский сапог.

Прошло несколько дней с того момента, как Песчаные Озера стали частью дружной семьи поселений Техасской Директории. Испуганные разрушительным штурмом жители поселка наконец вылезли из своих нор, из погребов и всяких секретных мест, вытащили своих грязных пузатых детей и тощих растрепанных жен, а затем пошли на улицы, чтобы познакомиться с новой властью. Устрашающий автограф Де Ла Венжа все еще находился около въезда в поселок, на стенах добавилась пара виселиц, которые уже нашли своих постояльцев. Сейчас Де Ла Венж, как пиратский капитан на полубаке своей бригаантины, сидел на бочонке на помосте, установленном на центральной площади Песчаных Озер, и вершил суд. Позади стояли несколько его солдат и представители местной власти, а перед ним под конвоем стоял со связанными за спиной руками один из добровольцев-дикарей, которые присоединились к отряду незадолго до штурма. Его поймали вчера за грабежом в местной лавочке и с того момента держали под замком. Арестованный диковато поглядывал на Де Ла Венжа и пока явно не очень понимал, что его ждет.

– Догги, томодачи, передай зачитать обвинение.

– Слушаюсь, командир, – отсалютовал Догги и сделал сигнал коменданту.

Комендант, полный мужчина средних лет, в потрепанной камуфляжной форме еще со старым флагом на рукаве, достал смятый листок бумаги и, близоруко сощурившись, начал бубнить что-то себе под нос. До собравшихся зрителей доносились только отдельные обрывки: «Доброволец... задержан за грабежом... по положению о военных и добровольческих силах Директории... решение за представителями военной власти...» Закончив чтение, он выжидательно посмотрел на Де Ла Венжа.

– Бати си! Наказание – смерть, – произнес Де Ла Венж и встал, доставая саблю из ножен.

Сталь сверкнула на солнце, и не успел арестованный хоть что-то сообразить, как Де Ла Венж вертикально поднял клинок, а затем сделал выпад и резко опустил его по диагонали. Конвоиры отшатнулись, а арестант опрокинулся навзничь, заливая помост кровью. Толпа охнула и встревоженно загудела. Говорили, что японец, конечно, совершенно ненормальный, но ведь и мародерство да грабеж тоже никого до добра не доведут, а несут только лишь сплошное разорение простым людям. Быстро сошлись на том, что это строго, но все-таки справедливо, и начали потихоньку хлопать в ладоши новой власти.

В отряде «Спартанец Один» была жесткая дисциплина, держащаяся на не менее жестких мерах. Старые бойцы боготворили Де Ла Венжа и больше смерти боялись его, и не могли понять, какое из этих чувств сильнее. Новеньких быстро вводили в курс обязательных правил, а если не успевали – это делал сам Де Ла Венж своей саблей. Собственно, правил он установил всего два: «забрал – заплати» и «секс – только за деньги». Но зато соблюдались они неукоснительно. Во всех захваченных поселках его солдаты расплачивались «патроно-баксами», которые начала недавно, лет семь назад, печатать Директория. Считалось, будто бы обеспечены они запасами на складах захваченного патронного завода и каким-то золотом Директории, которого, впрочем, никто не видел. Солдат оплачивали щедро, денег у них было много, а купить в трудовом лагере «Три звезды» на них было нечего – там все еще была карточная система. Дикари не очень охотно брали бумажные деньги вместо привычных патронов, крышек, гаек или отполированной подвздошной косточки кондора. Вот и сейчас должно было рассматриваться следующее дело, уже не такое тяжелое, как грабеж, а всего лишь про отказ взять в оплату доллары Директории.

Истец, худая и очень темная женщина с растрепанными волосами и болтающейся под дырявым балахоном отвислой грудью, стояла, подбоченясь, посреди помоста. Она что-то кричала в толпу и руками требовала ее поддерживать, что толпа и делала с быстро затухающим энтузиазмом. Ответчиком был один из солдат Де Ла Венжа, нервно поглядывавший на командира после только что случившейся здесь экзекуции. Но Де Ла Венж не собирался снова обнажать свою саблю и даже демонстративно отложил ее в сторону. Он хотел лишь дождаться завершения этого бардака и хорошенько выпить, но уже сомневался, что выдержит хотя бы следующие пятнадцать минут.

– Слово предоставляется стороне обвинения, – произнес комендант хмуро, и женщина выступила на шаг вперед, выпятив свои груди.

– Кура хочу за джага-джага! Вон этот парень сделал мне джага-джага, кура нет! Бумага жопа тереть не надо! Надо кура – есть в рот. – И она показала сложенными пальцами, как кладет воображаемую курицу прямо себе в рот.

Де Ла Венж поморщился и, подозвав коменданта поближе, процедил:

– Объясни этому существу, что скоро будет караван и там будет много кур. И другие сина. Зубные палки, маленькие кругляшки от боли, мешки из пластика. Сина. Товары. Это все она сможет купить за баксы, а за обычную бумагу, особенно если она ей подотрется, – не сможет.

Сказав это, он поднялся и пошел прочь с помоста, махнув рукой Догги, чтобы они заканчивали тут сами. Терпеть больше не было сил, и всю дорогу до своей комнаты он мечтал только об обжигающем глотке скотча.

Так Де Ла Венж во главе разведывательно-штурмового отряда «Спартаец Один» захватывал по очереди поселки, жестоко убивал всех сопротивляющихся, а затем подсаживал жителей на бумажные деньги Директории. Вскоре после этого туда начинал ходить караван, который торговал запасами со складов «Одинокой Звезды» за эти же деньги. В итоге обычно оказывалось, что через год все жители нового поселка уже в долгах и отдают большую часть урожая Директории почти даром. «Это называется цивилизация, бунмей!» – обычно говорил Де Ла Венж часто недоумевающему насчет мировой несправедливости Догги.

Пустоши же в это время наполнились самыми разными слухами, которые передавали из уст в уста в стойбищах дикарей, подслушивали друг у друга рейдеры во время попок, перехватывали по радио военные разных группировок и кланов. Говорили, что крупная мотобанда гостила в поселке Абилин, в то время как близ него были замечены странные и похожие на людей создания, толпами пришедшие из пустошей с севера, от проклятой Оклахомы. Бандиты, которые обычно на своих мотоциклах и велосипедах наводили ужас на равнины Квадрата Беззакония, вдруг засели в поселке за частоколом и забаррикадировались. Сидя взаперти и боясь высунуть нос, они обсуждали, что стоянка Двухголового Медведя уже была разорена и разрушена такими же существами из пустошей, которые получили у местных жителей название Мертвые Слуги Хозяек. Южнее уже другие рейдеры, ничего не знавшие о первых, устраивали крупную загонную охоту на волков, чье поголовье значительно увеличилось за последние годы – настолько, что даже стало превышать число кабанов, от которых всему Техасу некуда было деваться. Это было близ поселка Орлиный Перевал, а военные, внимательно слушавшие радиоэфир, тоже готовили свою загонную охоту. Но уже не на волков, а на людей.

Из «Первого полного путеводителя по постъядерным пустошам» Майка Чапмена: «Практически все из вас видели эту мерзкую коричневую гниль. Особенно ее много на стволах деревьев южнее Ливингстона, а чем ближе к болотам Затопленного Хьюстона, тем ее все больше и больше. На побережье вообще все деревья поражены ею, особенно ближе к корню. Но, верно, не все из вас знают, что эта гниль хорошо подходит для лечения небольших ранений, всяких царапин, порезов от ножа или ушибов от дубинки. В ней содержится вещество, известное в старых книгах как „антисептик Патулина“. Кто был этот самый Патулин и почему

у него такое странное имя, мы не знаем, но поделимся с вами рецептом, как с его помощью лечить раны. Гниль достаточно отскрести и промыть, желательно в проточной воде, сделать из нее кашицу и после просто прикладывать к ране, регулярно меняя. Чирьи и прыщи таким образом также дозволяется лечить. Но нельзя применять это средство при глубоких колотых ранениях или ранах от пули – кашица из гнили не должна попадать в кровь, иначе ничего хорошего ждать не приходится!»

4. ГЕНРИ ДЖОНС I. Радиоактивные руины Хьюстона. Август 2046

Через десять дней после Апокалипсиса не удалось восстановить даже подобие довоенного порядка. В разрушенном мире не было силы, способной объединить бежавших за пределы городов людей, покарать взявших оружие бандитов и вернуть закон в поселки и на просторы хайвеев. Армия страны, которую настоящая война почти два столетия обходила стороной, не могла защитить даже саму себя, постоянно подвергаясь атакам отрядов мародеров, лезущих, как муравьи на мед, к армейским арсеналам. Войска находились на осадном положении, но пока не покидали свои базы близ городов, и лишь благодаря этому большому количеству беженцев удавалось избежать грабежей и насилия. Поднявшиеся в стратосферу облака пыли и дым пожаров заслонили солнце – наступили дневные сумерки, а вечером все погружалось во тьму. Температура на поверхности земли также упала, и для середины лета было уже достаточно прохладно. А потом пошли непрекращающиеся ни на минуту черные смоляные дожди...

Полковник Генри Джонс с прибрежной военной базы Инглесайд, руководивший операцией по добыче топлива из затопленных хьюстонских хранилищ, довольно скоро понял, что в Хьюстоне есть всего два сезона: теплое лето и жаркое лето. Первое заканчивается в апреле, а второе начинается с мая и называется летом чисто по недоразумению, на самом деле это сезон дождей. А дожди здесь такие, что туши свет. В любую минуту совершенно внезапно начинается ливень и может идти, то затухая, то снова превращаясь в безбрежные бурлящие потоки воды, например, до следующей среды.

В этот раз ливень пошел, когда группа полковника находилась посреди городских руин, ближе к центру Хьюстона, еще не полностью ушедшего под воду. Спасаясь от дождя, солдаты перебежали улицу и нашли укрытие на первом этаже высокого здания из потрескавшегося и помутневшего стекла. Это, конечно же, было ошибкой, но Генри Джонс не сразу осознал, насколько она была фатальной.

Сначала прекратился дождь и вышло солнце, улицу наполнил яркий свет, и настроение поднялось, кажется, даже у всегда молчащего мистера Китано. Затем они услышали странный хруст и треск, как будто лед тает и разговаривает с солнцем, и вот уже сверху начали сыпаться, разбиваясь на тысячи сверкающих осколков, куски стекла. Закаленного стекла, выпадающего из разошедшихся рам на высоте в десятки этажей. Джонс увел отряд внутрь комплекса, подальше от сверкающей смертельной лавины, грохот которой они еще долго слышали, петляя по пустым коридорам. В итоге они вышли на какую-то боковую улицу, где вообще не должны были оказаться.

А потом они попали в засаду. Но сначала счетчик Гейгера в руках Джонса сошел с ума и начал трещать – они случайно вышли прямо на зараженное пятно. Пока Джонс лихорадочно пытался определить верное направление, раздался выстрел, подрубивший шедшего впереди в дозоре бойца по фамилии Маркус. Тот мешком свалился на асфальт с простреленной головой, остальные бойцы прижались к стене дома, а счетчик все продолжал стрекотать, и с каждой секундой злобные радионуклиды прожаривали их клетки.

Выглянуть не получалось – невидимый снайпер реагировал даже на высунутый кончик ствола винтовки, и сразу же по брустверу стены била пуля, осыпая залегших солдат мелкой бетонной пылью. Джонс попытался использовать миниатюрное зеркальце на ручке, но в ближайших остовах зданий были десятки мест, где мог сидеть этот стрелок.

Через несколько минут Джонс почувствовал резкую сухость во рту, а затем его начало мутить. Одного из солдат вырвало прямо на мостовую. Нужно было как можно скорее выходить из этой западни.

– Смит, Глория, вы первые. Отходим на пять часов, бегом до вон той красной колонки и за угол. Вперед!

Глория рванула первой и понеслась по улице по диагонали. Джонс внимательно наблюдал – момент истины, простреливает снайпер участок улицы, откуда они пришли, или нет. Прыгающий рюкзак Глории удалялся, достиг красной колонки, после чего она одним рывком бросилась за угол и залегла. Отлично, кажется, не простреливает. Смит побежал вторым, и побежал слишком медленно.

– Быстрее! – только и успел крикнуть ему вслед Джонс, прежде чем прозвучал выстрел.

Пуля попала Смиуту под правое плечо, его развернуло и бросило на потрескавшийся асфальт.

– Китано, за мной! Остальным прикрывать огнем!

Джонс вскочил и побежал изо всех сил, едва не теряя сознание от дурноты, темпа, адреналина и веса своего рюкзака. Сзади раздавался топот мистера Китано. Вместе они обогнули корчившегося на дороге Смита и, подхватив его под руки, буквально подняли вверх и потащили. Смит шипел от боли и извивался, но тоже пытался помогать им ногами. Сзади все утонуло в трескотне выстрелов, поэтому нового удара снайпера Джонс не услышал. Только что-то свистнуло у него над головой и чуть впереди пуля выбила кусок асфальта. Промахнулся! В этот момент внимательно наблюдавшая со своей позиции Глория тоже открыла беглый огонь.

Они благополучно дотащили Смита до угла, Глория деловито сообщила:

– Гад сидит на третьем этаже!

Потеряв выгодную позицию, снайпер, видимо, отступил, поскольку больше огня с его стороны не было, и оставшиеся солдаты отряда благополучно отошли. Но результат был неутешительным: Маркус остался лежать на узкой улочке с зараженным пятном, и его оружие и снаряжение теперь наверняка достанутся неизвестному охотнику; Смит был ранен, а еще двое облучились и теперь попеременно сблевывали. Только Глория и Китано держались молодцом и активно оказывали помощь пострадавшим, хотя Китано, как всегда, молчал. Сам Джонс как мог боролся с приступами дурноты и слабости. Но было уже окончательно ясно: рейд в руины Хьюстона сорвался, и отряду придется вернуться в прибрежный базовый лагерь.

За последние месяцы солдаты гарнизона Инглесайд, действуя небольшими группами на моторных лодках и двигаясь вдоль побережья, активно исследовали сильно изменившуюся за последние годы береговую линию. Они прошли от заброшенного Форт-Брауна на юге и до затопленных предместий Хьюстона на севере. Почти везде они наталкивались на сильное радиоактивное или химическое загрязнение. Поселки были затоплены или полуразрушены, повсюду была картина полного запустения, почти все, кроме самых крупных строений, снесли ураганы и наводнения. На берегу не было даже племен дикарей: опасаясь стихии, они все откочевали вглубь континента. Если бы не радиоперехват, регулярно осуществляемый их главной базой и доказывающий существование других уцелевших общин, можно было бы подумать, что во всем мире они остались одни. Полковник Генри Джонс постепенно пришел к выводу, что и его отрядам предстоит все дальше и дальше идти в эти лабиринты руин, где их ждут неизвестные угрозы. Только там можно было найти топливо, продовольствие и патроны.

Базовый лагерь военных на берегу походил скорее на временную точку высадки. На плоском пляже у берега, метрах в двадцати, качались моторные лодки. С них двое солдат перегружали ящики в надувную лодку и медленно, по пояс в воде вели ее к берегу. Работали они

не очень споро. На самом берегу почти вплотную к линии прибоя было развернуто несколько палаток, сложены в штабель ящики, стояла радиостанция, тарахтел генератор, а рядом на длинном флагштоке реял полосатый флаг старых США. Группа полковника Джонса не признавала новой символики и все еще считала себя частью вооруженных сил и сил береговой охраны. На прибрежных дюнах, окаймляющих пляж, в закатном солнце торчали фигурки часовых.

В центре лагеря около небольшого костра, который больше трепетал на сильном прибрежном ветру, чем давал тепла, сидели двое солдат. Оба пытались высохнуть – видимо, только сменились с разгрузки лодок. Первый – старый ополченец в потертой зеленой куртке, а второй – почти юный, но с внушительной ярко-рыжей бородой.

– Слышь, Мак-Кой? Медведя в руинах видел? – спросил старый.

– Не видел еще. Но слышал, как он ходит в заброшенном здании напротив. В прошлом патруле.

– А Дэн говорит, что уже видел его.

– И что?

– Страшный, говорит. Огромный и с обожженной мордой. Говорит, что воняет от него за милю – видимо, ест только мертвечину давно уже...

– Откуда он ее берет-то? – спросил Мак-Кой. – Там уже давно все сгнили, если кто и умер.

Старый подумал и пожевал кончик уса, но ничего не ответил.

– А ты слышал, что в Хьюстоне случилось еще в самые первые дни? – спросил в свою очередь Мак-Кой. – Мне на базе приятель рассказывал, а он с радисткой тамошней дружит, так она в записях еще с Большого Пиздеца это нашла.

– Звучит так, будто она наврала, – недоверчиво сказал старый.

– Да не, ну как можно врать любимому человеку, – возразил Мак Кой. – Так что не наврала, точно!

– Ну, и?

– Так вот, ты старый и, наверное, еще видел живых кошек. Видел же?

– Ну, видел, конечно, – произнес старый. – У меня у самого была кошка. Ну как, просто рядом с домиком нашим жила, мы ее кормили... Хорошие звери были, жалко, что вымерли...

– Ну так и вот. Она нашла документы, что всех кошек в Хьюстоне правительство в один день убило. Представляешь, издали указ специальный и на следующий день собрали всех кошек – и раз, всех убили.

– Зачем? – удивился старый. – Они же мышей ловили...

– А они сказали, что вроде как кошки какой-то вирус подхватили и он стал людям передаваться. Я не помню уже, чего там приятель рассказывал, запомнил только, что вот так – всех кошек разом. Вот так.

Оба помолчали. Флаг над ними хлопал полотнищем – наверху ветер был ощутимо сильнее, чем тут, в яме около костра. Мак-Кой поежился и подложил пару сухих, выбеленных солнцем коряг в огонь.

– И знаешь, почему они убили всех этих кошек? – Мак-Кой огляделся и наклонился поближе к лицу собеседника.

– Почему, Мак-Кой? – Тот тоже понизил голос.

– Потому что все кошки были шотландцами. А нас эти южане до смерти не любят!

Старый солдат с висячими усами на потемневшем от загара и покрытом морщинами лице скривил гримасу и отстранился:

– Ну Мак-Кой, ну чё такое! Хватит заливать! Коты – это коты. Животные. Они не могут быть шотландцами никак... – Он чуть подумал. – Они же не приносили присягу!

– Ха! – только и ответил Мак-Кой, также откидываясь. – Я сейчас тебе все объясню, старик! А ты слышал вообще про Большеуха? В Шотландии, откуда родом был мой отец и отец моего отца, живет огромный кот по кличке Большое Ухо. Он последний потомок короля всех

кошек Ирусана. И он оракул, который может исполнять желания. Поэтому колдуны из этих южан, – Мак-Кой презрительно сплюнул, – проводили дьявольский ритуал, чтобы вызвать его. Ритуал-гримуар! В течение нескольких ночей они жарили живых кошек на вертеле – до тех пор, пока из тьмы не появилась армия дьявольских котов, чтобы положить этому бесчинству конец! И во главе этой армии был как раз Большие Уши, который исполнял любые желания или предсказывал...

– Нет, нет, нет, я не буду верить в этот бред! – сказал старый ополченец, поднимаясь и отряхивая штаны. – Иди вон куда-нить к дикарям, что ли, расскажи им эти байки. Они тебе джага-джага за это сделают. Или башку отрежут...

И он, забрав рюкзак и винтовку, направился в сторону палатки полевой кухни. Там из печной трубы уже стелился приятный дымок.

– Эй, старый, слышь! – прокричал ему вслед Мак-Кой.

– Ну чего еще?

– Так его можно и тут вызвать! Не только в Шотландии!

Ополченец плюнул в сторону Мак-Коя, но из-за дистанции и ветра слюна приземлилась с заметным недолетом. Удовлетворенный Мак-Кой вернулся к костру, устроился поудобнее и достал припрятанную флягу с виски. Открыл крышечку, пригубил, неистово сморщился, а потом расплылся в блаженной улыбке и тихо-тихо прошептал:

– Ну, Большие Уши, давай, за тебя!

На гребне дюн среди часовых возникло какое-то движение. Через некоторое время там появилась группа людей, тащивших носилки и тяжелые рюкзаки. Некоторые шли с двумя стволами на каждом плече. Среди них выделялась рослая фигура полковника Джонса, раздававшего приказы. Мак-Кой поднялся, прихватил винтовку и отправился туда помогать спустить раненых на пляж.

Из «Первого полного путеводителя по постъядерным пустошам» Майка Чапмена: «Вы наконец умертвили кролика и хотите его разделить. Разделить кролика можно разными способами, но мы советуем вам самый цивилизованный, если, конечно, вы не собираетесь, подобно дикарям и прочим ползунам, съесть кролика целиком, с костями и грязными потрохами! Крепко держите мертвого кролика за обе задние ноги и, используя должным образом свой охотничий нож, сделайте вдоль его спины быстрый и глубокий надрез. Вы можете полностью отделить голову для того, чтобы вытекла кровь, это допускается. Далее подвесьте кролика, чтобы из него вытекла вся кровь. Вешайте кролика за заднюю часть его ног под коленным сухожилием, тогда он будет держаться крепко и не упадет вниз. Мы рекомендуем разделить кролика, как только представится удобный случай, лучше всего сразу после его смерти, так как, во-первых, снимать шкуру кролика проще, пока он еще теплый, и, во-вторых, меньше вероятность, что ночью ваш костер окружают так называемые кролики-мстители, преследующие незадачливых истребителей своих братьев. Мы расскажем вам о кроликах-мстителях (как и о способах их отпугнуть) в соответствующем разделе настоящего путеводителя, когда для этого придет должное время. Впрочем, если вы не боитесь и не сделаете этого, пока не доберетесь домой, – также ничего страшного, хотя вам, без сомнения, будет сложнее управиться с кроликом, когда он станет холодным и окостеневшим. Весь процесс не займет у вас более трех минут, а при должной сноровке и следовании нашим советам можно легко уложиться и в две. Итак, приступим к разделке кролика...»

5. ДЕ ЛА ВЕНЖ III. Поселение Килл-Гор. Декабрь 2047

Крайне недовольная проститутка из местных пыталась привести в порядок свое испачканное тряпье и поправить прическу, глядясь в большое помутневшее зеркало, бывшее главным предметом интерьера небольшой комнаты Де Ла Венжа. Комнату он занял в гостинице на втором этаже, прямо над салуном «Последний Рассвет».

– Ты отрубился! А потом блевал и меня испачкал! – Шлюха презрительно скривила губы.

– Онна ва, тасисари... – обреченно прошептал Де Ла Венж, сидя на кровати и обхватив голову, готовую расколоться от боли. – Женщина, прошу, уйди...

– Оплату бы. И полностью, хоть ты ничего и не смог со мной сделать, но время-то потрачено, дружок, а за время должно быть уплачено. Иначе и меня побьют, и тебя...

Де Ла Венж наугад пошарил в покосившейся прикроватной тумбочке с не закрывавшимся до конца верхним ящиком и там, среди патронов и обойм, нащупал пачку денег. Вытащив ее двумя пальцами, он не глядя сунул деньги шлюхе, которая сразу же стала их озабоченно пересчитывать, слюнявя грязный палец и шевеля губами. Там было явно значительно больше, чем ей причиталось.

– Все пятидесяточками, и ровно сколько надобно. Прямо круто, обожаю эти улыбки нашего президента... Эй, ты чего приуныл, французик? – Шлюха подошла и попыталась погладить его по голове, но он отвел руку и только тихо застонал.

Немного постояв над схватившимся за голову и раскачивающимся на кровати странным японцем с французским именем, шлюха спрятала под платье пачку денег и пошла к двери.

– Ты это... не обижайся и заходи еще, французик. Я тебе скидку сделаю за этот случай! Ну, бывай...

Когда дверь за шлюхой закрылась, Де Ла Венж неожиданно вспомнил, как вчера ему то ли почудилось, то ли она, пьяная, действительно шептала ему прямо в лицо: «Кому ты мстишь, кого ты боишься?» Де Ла Венж и сам не знал, кому он мстит, вероятнее всего, вообще всем.

Второй месяц они торчали в Килл-Горе, небольшом поселке в ста милях севернее Песчаных Озер. На таком же расстоянии на западе от поселка начинались бескрайние руины Далласа. Разведка Директории продолжала собирать информацию для их следующего похода, или как они это там у себя в штабе называют. А возможно, причина была в другом: кто-то из штабных придерживал сильный отряд поближе к трудовому лагерю «Одинокая Звезда» и патронному заводу, оказывая давление на других штабных. Де Ла Венж в этом ничего не понимал, да ему и было все равно, потому что во время дождливого сезона все равно никуда бы он не направился. Их танк, погруженный на трейлер и с большим трудом проходящий по грунтовым дорогам даже в сухое время года, зароеется сейчас в грязь по самую башню. Поэтому Де Ла Венж пил в своем номере на втором этаже над салуном «Последний Рассвет» так, как будто бы в действительности собирался этот рассвет скоро встретить. Его бойцы разбрелись по всему поселку и только вечером встречались в салуне, чтобы развлечься с местными девками. Дисциплиной сейчас занимался Догги, который, впрочем, уповал только на справедливый суд начальника и всем говорил: «У-у-у, сука! Вот наш очухается, он тебе башку вмиг срубит за такие дела!»

Де Ла Венж любил пить, хоть ему почти сразу же и становилось плохо – его клонило в сон, а через некоторое время начинало тошнить. Но с другой стороны – ему становилось хорошо, потому что в состоянии опьянения он приобретал какую-то нечувствительность вообще ко всему и все становилось заметно проще. Трудно говорить по-английски – не беда, пьяным он говорил только по-японски, и все его вроде бы понимали. Трудно выбрать верное решение из двух одинаковых вариантов – после пары стаканчиков обязательно находилось третье, еще лучше. В общем, в вопросах с алкоголем было ради чего терпеть и дурноту во время возлияния, и приступы головной боли после. Де Ла Венж пил все, что находилось в поселках,

которые посещал его отряд. Мутную брагу непонятного происхождения в пузатых бутылках. Янтарный шотландский виски из запасов офицерского клуба. Прозрачную, как слеза, граппу, которую еще можно было найти среди руин в развалинах итальянских ресторанчиков. Обжигающий ром. Текилу с плавающим внутри бутылки ядовитым пауком, живущим где-то на берегах Каменной Змеи. Один раз он пил даже знаменитую яблочную самогонку Майка Чапмена, но это уже было после виски и граппы, так что он даже не запомнил ее вкус.

Де Ла Венж взял Килл-Гор в начале лета этого года и потом до осени гонялся по округе за мелкими бандами и группами дикарей. Бандитов он вешал, а дикарей просто оставлял на корм койотам и диким кабанам. Тем временем в Килл-Горе, этом давнем оплоте противодействия «Одинокой Звезде», шел обычный процесс присоединения к Директории, сопровождавшийся расследованиями и правосудием – виселицы на центральной площади поселка не пустовали. Директор Эванс был очень доволен и даже прислал Де Ла Венжу благодарственную записку, но Де Ла Венж ее потерял, когда напился и упал в канаву. Догги с ребятами выловили командира и не дали ему захлебнуться, но ценный документ спасти не смогли. При этом сейчас отряд «Спартанец Один», состоящий из грузовика, танка без одной гусеницы и десятка солдат со штурмовыми винтовками, был одним из самых сильных и боеспособных на всех землях Юга.

На этот раз дело было так: Льюис и Джокер поругались с местными из-за какой-то ерунды, а Де Ла Венж как раз проходил мимо, нес бутылку к себе и был в превосходном настроении. Крики его расстроили, и он ударил одного из местных гардой своей шашки в лицо, выбив тому несколько зубов. Это прекратило крики, и Де Ла Венж спокойно пошел по своим делам дальше. Когда пару часов спустя бутылка опустела, его опять разбудили отвратительные громкие крики и стрельба. Прямо посреди поселка Льюис, Джокер, Стэп, Мути и Ребекка держали под прицелом нескольких местных, у которых были охотничьи ружья. Ребекка, держа в вытянутой руке гранату с выдернутой чекой, истошно кричала высоким голосом:

– Всем стоять спокойно, пидоры! Я всех порешу, если хоть один выстрелит!

Де Ла Венж кое-как оделся, взял свой наградной револьвер и саблю, а потом с некоторыми трудностями спустился вниз, выйдя на площадь. Диспозиция к этому моменту изменилась мало, обе стороны явно не знали, что им делать, и продолжали целиться друг в друга. Де Ла Венж вышел перед противоборствующими группами, слегка отмахиваясь саблей от летучих мышей, которых в ту ночь было вокруг него как-то слишком много, разрядил пистолет в воздух и громко произнес:

– Вы находитесь на территории военного правительства Техаса! Во избежание кровопролития категорически требую! Сдайте оружие не-ме-длен-но!

После этого он упал вниз лицом в грязь, и все увидели, что из своего кавалерийского мундира он успел надеть только куртку с эполетами. По поводу этой истории Джокер потом говорил, что никогда, ни до, ни после, он не видел, чтобы Де Ла Венж внятно произнес такую сложную фразу и чтобы такое количество вооруженных людей моментально сложили оружие.

Де Ла Венж обычно ни с кем не делился своим состоянием, он не очень хорошо формулировал сложные мысли по-английски, а японский, кажется, уже прочно забыл. По крайней мере когда был трезв. Или, что также возможно, никогда хорошо и не знал. Очень смутно он помнил, что по-японски с ним разговаривала мать, но когда и при каких обстоятельствах она пропала – этого он уже не мог вспомнить. Он прибил к отряду военных из «Одинокой Звезды» пять лет назад, имея с собой только купленный на толкучке пистолет, который выменял на последнюю еду. Первое свое нормальное оружие он добыл в бою. Это была знаменитая Битва за патронный завод, без победы в которой никакой Директории бы вообще не возникло.

Сейчас, во время дождливого сидения в прогнившем, пахнущем сыростью и покрывшемся плесенью Килл-Горе, Де Ла Венж отчетливо понимал, что ему становится хуже. Он ощущал частые приступы раздражительности и злобы, которые не мог контролировать. Он расколотил почти все предметы мебели в комнате, пощадив по непонятной причине только огромное напольное зеркало в резной раме. Чтобы побороть приступы злобы, он пил. Напившись, он становился буйным и каким-то развинченным, пока не засыпал. Он делал странные поступки, без причины задирал людей на улицах, ночью выходил в чем мать родила на площадь, стрелял в воздух и орал что-то на японском, пока его не забирал и не приводил в чувство Догги, который в эти дни нянчился с ним прямо как мамаша. Всем остальным он говорил: «Наш-то совсем бешеный, это ему без крови плохо. Ну, ничего, выйдем в пустоши – пролет кровушки и немного успокоится. А пока пусть чудит, главное, чтобы поменьше людей погубил...»

Больше всего на свете после выпивки Де Ла Венж любил свой «Кольт 911». Частенько он разглядывал ладный пистолет, отлично лежащий в руке и оттягивавший ее теплой смертоносной сталью, и размышлял, как в один прекрасный солнечный день застрелится из него. Он еще не решил, будет стрелять сбоку в висок, приставив пистолет к голове, или засунет ствол в рот и прострелит мозги снизу вверх. «Кольт» был очень хорош и удобен, лежал в руке как влитой, но одна беда: обоймы часто заедали, и если попало хоть чуть-чуть грязи или воды, то стрелять уже было нельзя. Нужно было передернуть затвор и выбросить первый патрон, снять рамку и продуть ствол, а потом уже стрелять. Черная, как пантера, «Беретта», которая тоже была у Де Ла Венжа, казалась ему слишком громоздкой и плохо лежала в руке. А вот его первый пистолет – огромный плоский «Маузер» – был отличным, особенно с дополнительным магазином, но патроны к нему были слишком редкими. Еще у него был наградной «Кольт Драгун» – очень старый и совершенно безотказный, патроны можно было снаряжать самому, была бы с собой пулелейка. «Кольт» стрелял с очень сильной отдачей, выпуская облако порохового дыма, а разрушительная сила его пуль была такая, что на дистанции в десять ярдов укладывала на землю любого.

Во время сидения отряда Де Ла Венжа в Килл-Горе до них доходило не так много информации от разведки Директории. Раз в несколько недель Спринггет присылал конверт, в котором были последние сведения, полученные от агентов и перехваченные по радио. Сначала он присылал их зашифрованными, и это были просто столбцы цифр, но после того, как Де Ла Венж дважды потерял шифровальные ключи, Спринггет плюнул и стал присылать депеши простым текстом.

В них было указано, что в руинах Далласа остается значительное число мирных, хотя неизвестно, как они относятся к Директории. Пару месяцев назад жители подземелий и убежищ городского центра, объединившиеся в катакомбах и пережившие первые страшные годы после Апокалипсиса, совершили вылазку в развалины города, собирая различные вещи и книги. А сам город, как и многие другие мегаполисы, оказался во власти расплодившихся бродячих собак, которые отпугивали даже правившие пустошами кабаны стада. Также сообщалось, что люди Сломанной Стрелы и стоянки Двухголового Медведя бросили свои стойбища и большим караваном продвигаются по зараженным землям, лежащим между разрушенной Оклахомой и горной грядой Озарк.

Дело №274. Из материалов следствия дисциплинарной комиссии Вооруженных сил Директории: «...выезжавшая на место преступления специальная комиссия в составе следователя П. Чероки и капитана Спринггета [далее неразборчиво] в период 03.01.48 – 07.01.48 в поселок Килл-Гор провела опрос свидетелей, который показал следующее. Командир тактического отряда „Спартанец Один“ капитан армии Директории Ж. Д. Ла Венж неоднократно превышал служебные полномочия и самовольно имитировал следственные действия

на территории поселка. В частности, по его указанию бойцами его отряда были взяты под стражу восемь мирных жителей поселка и впоследствии, после пыток, обвинены в укрывательстве неких „бандитов“. Также указывается, что Ла Венж самолично производил внесудебную расправу над обвиненными им мирными жителями путем разрубания их саблей (несмотря на наличие строгих рекомендаций для всех полевых командиров осуществлять правосудие исключительно путем расстрела либо же повешения при вынужденной экономии боекомплекта). Одного из арестованных спасло заступничество коменданта поселка, троим удалось сбежать из-под стражи, когда Ж. Д. Ла Венж, находясь в состоянии алкогольного опьянения, заснул с ключами от наручников в руках. Из остальных арестованных в целом за декабрь 47 г. трое были казнены, причем двое якобы при попытке к бегству. Один из беззащитных был преследуем лично Ла Венжем через весь поселок, впоследствии был ранен и утонул в ближайшей реке. Обращаем внимание дисциплинарной комиссии на недопустимость подобных эксцессов и необходимость принятия самых решительных...»

6. БЕКИ II. Где-то у Плохих Земель. Январь 2048

Когда охранники, подгоняя своих лошадей дикими криками, скрылись за ближайшими дюнами, Беки легко распутала веревку, связывавшую ей руки. Она незаметно разбалтывала ее всю дорогу, и теперь пути просто соскользнули с ее запястий после пары резких рывков. Ставив с головы пыльный и душный мешок, она обнаружила, что ее завезли уже довольно далеко в пустоши. Последние полчаса ее сопровождение из лучших воинов племени Мертворуков проявляло все большую нервозность. Чем ближе они были к Плохим Землям, тем больше волновались и в конце концов решили отправить колдунью дальше своим ходом. Беки спрыгнула с ослика, который к тому моменту уже мирно стоял, и после нескольких неудачных попыток сняла висевшую у нее на спине деревянную табличку. Там было кривовато начерчено следующее:

«БЭКИ – ВОР И ХОЛДУН И ШЛЮХА»

Вот так там было написано, и это Беки совершенно не устраивало. Она пошарила глазами по земле, подобрала подходящий камушек и через пять минут усердной работы критически оценила свои труды. Теперь на табличке вкривь и вкось было написано:

«XXXXX БЕКИ – ХО XXXXX
Я РАССКАЗЫВАЮ ОХУИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ!»

– Беки Хо! – смачно произнесла Беки, пробуя эти слова на вкус. – А что, вполне даже сладенько!

Покопавшись в седельной сумке ослика, она нашла металлическую баночку, а внутри кремень и сложенную почерневшую жженую ткань – большая удача, теперь она сможет развести костер, просто высекая искры. Беки все аккуратно сложила обратно, а также положила в сумку веревку, которой были спутаны ее руки, мешок и табличку.

На этот раз ее из трудной ситуации опять выручили Хозяйки Клыки. А точнее, не сами мифические Хозяйки, а придуманный стишок про них:

Раз! Приоткрылся жуткий глаз!
Два! Навострилася пила!
Три! Мертвецы идут, смотри!
Четыре! Открывайте двери шире!
Пять! МЫ ИДЕМ ВАС УБИВАТЬ!

Когда в стойбище Мертворуков ее схватили и, порвав одежду, повалили на пол хижины, она начала ритмично выкрикивать стишок, чем очень смутила насильников. «Ведьма!» – закричал один из них, в испуге отшатнувшись. «Открывайте двери шире!» – заорала, брызгая слюной ему в лицо, Беки и захохотала как умалишенная. Отмахиваясь от злого духа, дикари поспешили удрать, но вскоре вернулись вместе с большей частью жителей деревни. Так ей удалось избежать группового изнасилования, но совсем выйти сухой из воды не получилось. Толпа связала ей руки и под дикие крики потащила по улице. Большая часть дикарей в ужасе закрывали уши руками, боясь, что колдовство Беки пролезет к ним в голову и захватит душу. Те, кто держали ее, закрывали по очереди то одно, то другое ухо, потому что держать человека руками и закрывать уши одновременно ни у кого из них не получилось. Поэтому держали ее

не очень крепко, и она по пути через всю деревню к шатру вождя Мертворуков отделалась лишь несколькими ушибами и ссадинами.

Раз вся деревня встала на уши, то дела у Мертворуков обычно делаются быстро. Высокий суд, состоящий из двух полусгнивших старейшин и одной насквозь пропитанной пейотом старухи, которая так и не проснулась от грохота криков, быстро выставил лишних из шатра и приступил к разбору дела. Внутри остались только самые смелые мужчины племени и самые крикливые женщины. Детей выгнали оплеухами, даже тех, кто попрятался под ногами взрослых. Известно, что, когда дело доходит до колдовства, детям рядом делать нечего.

Старейшины хоть и были похотливыми, как и все мужчины племени Мертвых Рук, но были все-таки недееспособными старцами, поэтому им хватило срывания с Беки остатков одежды для выявления видимых проявлений ее греховности. Поскольку никаких признаков Мутации или Порока на ее сочных грудях и аппетитной попке не нашлось, сообщество Мертвых Рук под влиянием завистливых криков женской половины приняло решение чужачку одеть обратно и подвергнуть суду. Ее осудили на изгнание в пустоши, что было большой удачей, так как другие варианты – усекновение языка или ломка ног – в планы Беки совсем не входили.

– Вы все будете прокляты! – изо всех сил заорала, надсаживаясь и трясясь, Беки. Народ отшатнулся, так как дело снова запахло опасным колдовством. – Я! Это я видела армию мертвых там, за кипящими руинами Оклахомы! Они идут за мной по пятам! Они сожгли Двухголоваго Медведя! Они будут здесь! Раз, два, три, мертвецы идут – смотри!

После этого яркого выступления в поселке не нашлось ни одного храброго мужчины, который решился бы лично придушить ведьму или просто размозжить ей голову дубинкой. Возможно, Глазоеды или Великие Погонщики Псов поступили бы именно так и история Беки здесь бы и завершилась. Но, к ее большой удаче, Мертвые Руки были известны на всю округу своим особым отношением к магии. Всем было очевидно, что Беки сейчас одержима, что ею управляют сами Хозяйки, а связываться с нечистой силой – для Мертвых Рук себе дороже. Беки накинули на голову мешок, посадили на осла со связанными руками и отвезли прямо к Плохим Землям, благо ехать было недалеко. Вернув таким образом хозяйское добро хозяйкам, конвой с облегчением вернулся в поселение, и все забыли про досадный инцидент, как будто ничего и не произошло.

Следующие недели Беки была совершенно одна, если не считать ослика, по крайней мере до того момента, пока она его не съела. Она пересекла линию знаков, которыми северные дикари обнесли Плохие Земли, и углубилась в них, двигаясь на восток. Одиночество она переносила хорошо, у нее было много времени для размышлений, пока она в ночной тиши, ориентируясь по звездам и одной ей известным приметам, шла от одного дневного убежища до другого. Как и в других путешествиях по пустошам, ее спасали наблюдательность, чрезвычайно зоркое зрение и осторожность. Однажды она увидела вдалеке, почти на горизонте, грузную фигуру бегущего Тедди – повелителя пустошей. Но ветер дул в другую сторону, и Тедди не учуял ни ее, ни ослика. А может быть, он слишком торопился, тем более что через пару часов Беки увидела, что в том же направлении по его следу неотвратимо движется довольно большая группа тех самых существ, которых она видела рядом со стойбищем Двухголового Медведя. И они также не заметили Беки.

Слухи, а точнее, редкая память Беки, позволявшая ей запоминать буквально все, что она слышит, были ее сильной стороной. Просто бродя без какого-либо дела по рынку в очередном поселке, она жадно слушала, о чем говорят торговки, что кричат друг другу мальчишки, о чем перешептывается охрана. Проблемой, правда, было свести все эти слухи воедино и построить на них какую-то общую картину, в которой разобраться и понять, как действовать

дальше, желательно подольше оставаясь в живых. Про концепцию минимизации рисков Беки ничего не знала, но всегда интуитивно действовала именно в этом ключе. А слухи вокруг были самые разные и один другого безумнее. Говорили, что севернее руин Оклахомы кипят озера и пар стоит такой, что простирается до самого конца мира. И если войти в этот пар, то через несколько часов пути увидишь просто обрыв в бездну, которая не имеет дна. В эти бредни Беки не верила, потому что никогда не заходила севернее Оклахомы и не знала, что там. Также говорили, что, хоть Даллас и выглядит заброшенным и его руины простираются на сотни миль, под городом живет еще очень много людей. И не только людей, а самых разнообразных пугающих созданий, управляет которыми сама Хозяйка Ликс. Верить таким слухам в исполнении дикарей, которые на милую боятся подойти к любым руинам, мог только очень глупый человек, а Беки, конечно, такой не была. А еще говорили, что... Впрочем, такой ерунде Беки уже совершенно точно не верила!

Всему виной была патологическая чистоплотность Беки, именно из-за нее она попала в переплет в племени Мертвых Рук. Она просто захотела покопаться в сундуках той торговли-жирухи в стойбище, поразмыслив, что раз такая жирная почти не воняет, то у нее точно где-то есть мыло. И вот как все обернулось... Но Беки не была бы самой собой, если бы не извлекла максимум пользы и из этого поражения – теперь у нее есть немного ослиного мяса, сумка, мешок, табличка и еще кое-что! Беки покопалась под своими лохмотьями и извлекла небольшой смятый клочок бумаги, который незаметно подобрала в шатре старейшин, пока одевалась, – он валялся на полу и вроде бы никому из местных не принадлежал. Это был обрывок газеты, напечатанной на желтой бумаге. Вероятно, дикари заворачивали в него дурную траву, по крайней мере пах он именно ею. И вот что там было написано:

«По сообщениям заслуживающих доверия источников, банда рейдеров захватила поселок Орлиный Проход. Несмотря на то что жители поселения были готовы сдать на милость бандитов, кровожадные маньяки и убийцы Брайан Малдер, Хана Повстанка и Рамон Стрелок перебили почти два десятка человек, способных держать в руках оружие и подвергли поселок совершенному разграблению».

И чуть ниже было то, ради чего Беки и украла бумагу. Черным по белому кривоватыми буквами было вполне явно отпечатано:

**«ЛУЧШЕЕ МЫЛО ПУСТОШЕЙ —
МЫЛОВАРНЯ НА КРАСНОЙ УЛИЦЕ ТРИСТАРА.
ПОЗАБУДЬ О ВШАХ, ИМ БУДЕТ ШВАХ!»**

Этот обрывок очень многое сказал смысленной Беки. Где-то есть город Тристар – это первое. Тристар – это город. Это второе. Потому что ну кому нужна мыловарня в стойбище, логове банды или запертом изнутри бункере. Где-то в городе Тристар есть мыловарня и там варят мыло – третье. Где-то в мыловарне, что в городе Тристар, не только варят мыло, но и не боятся рифмовать слова, а значит, и Беки там не прогонят и не убьют за те песенки, что она частенько напевает. Ей нужно туда – это четвертое и последнее!

Недели через две скитаний в пустошах изголодавшая и оборванная, похожая сама на ходячий скелет или ожившего мертвеца Беки, известная также как Хо, Сперма, Глотка и так далее, увидела наконец в пустынном мареве на горизонте трубы заброшенного завода «Одинокая Звезда». Ничего в жизни ее не радовало больше, чем эти две черные палочки на горизонте. Своего ослика она съела еще в середине пути, большую часть вещей потеряла, но главное – она была жива. В одиночку она прошла полторы сотни миль, избежала смерти от пули или ножа рейдеров, клыков Тедди, лучей дневного солнца и когтистых лап Хозяйки Голода, добравшись в итоге до земель Директории. Единственного места в современном Техасе, где есть хоть какое-то подобие цивилизации и даже мыло.

*Житие Св. Беатрисы Греиницы: «На шестую неделю Великого Поста и за неделю до светлого праздника Пасхи Святая Беатриса Греиница, в ту пору еще пребывавшая в неведении относительно своей святости, ибо Господь еще не открыл ей глаза на ее предназначение, вступила в город Тристар. Она приехала к стенам славного города на ослике, а толпа ликующих жителей была ей эскортом. Во время долгого путешествия из заточения в племени язычников и до ворот Тристара ей многократно угрожали смертные опасности, но каждый раз Господь отводил их от Святой. Она же, будучи слепая, убеждала себя, что все дело в ее остром зрении, или же нечеловеческой хитрости, или же знании путей пустыни и различных примет. Вот так и сейчас часто грешник придумает тысячу причин, лишь бы не видеть Дары Господни. Или, как сказано в пресвятых писаниях в поминовение Дня Святого, дня *Die dominica in palmas*: «Ликуй весьма, дочь Нового Рима, торжествуй, дочь Тристара: се как бы Царица твоя грядет к тебе, грешная и праведная, спасающая, кроткая, сидящая на осле, на молодом осле, сыне ослицы...»*

7. ГЕНРИ ДЖОНС II. Склады Корпус-Кристи. Весна 2048. Четвертый Год-на-Платформе

Безжизненные городские развалины, накрытые плотной пеленой молочного тумана, были словно воплощением заброшенности и запустения. Как призраки прошлого, они стояли, молчаливо наблюдая за жизнью, которая неторопливо шла мимо них. Туман покрывалом окутывал руины города, скрывая все, что таилось внутри и ждало. Каждый шаг по этим улицам только увеличивал в душе полковника Генри Джонса ощущение тревоги и неопределенности. Ему начинало казаться, что каждый камень, каждый необвалившийся кусок стены, каждая прогнившая крыша может обрушиться и раздавить его и его людей. Воздух кругом был пропитан запахом гнили и разложения, а звуки, которые доносил ветер, были лишь слабым напоминанием о том, что здесь когда-то кипела жизнь. Затопленные развалины города были покрыты мхом и лишайниками, которые только усиливали и без того зловещий вид. Во многих местах можно было видеть следы пожаров или взрывов, оставшиеся на стенах и крышах зданий.

Развалины армейских складов у Корпус-Кристи подверглись разграблению еще в Год Бомбы, а затем были практически полностью уничтожены свирепствовавшими на побережье ураганами. Уцелел только старый маяк, вокруг которого, используя остатки разрушенных строений, солдаты Генри Джонса соорудили подобие оборонительного периметра и обустроили пару пулеметных позиций. Этого вполне хватило бы для того, чтобы отбить плохо подготовленное нападение, а серьезных противников Джонс в этих краях в тот момент еще не ожидал встретить. Идя по улице, привычно переступая через трещины в асфальте и огибая пробившиеся сквозь него небольшие деревца, слушая мерное позвякивание кружки, болтающейся на рюкзаке идущего перед ним Смита, он вспомнил, как пару недель назад они отбивали первое нападение на новый лагерь...

Несколько десятков грязных и оборванных дикарей приблизились к маяку и что-то долго кричали, оставаясь на значительной дистанции перед расчищенным солдатами периметром. Бойцы Джонса к тому времени уже заняли свои позиции, и атака в любом случае была бы обречена, но дикари об этом не знали. Разобрать, что они кричат, было невозможно, да и вообще, похоже, они говорили не по-английски, а на каком-то своем наречии. Один из них, рослый парень в тяжелой штурмовой каске с забралом, видимо их вожак, сделал несколько шагов вперед, натянул лук и пустил стрелу. Джонс снял его первой очередью из своей «эм шестнадцатой», он упал как подкошенный, а остальные начали убегать. Еще два или три дикаря упали от пуль солдат, однако, когда небольшая группа бойцов Джонса обследовала руины следующим утром, они не нашли ни одного тела. Ни оружия, ни следов крови – ничего. Только каска со свежей вмятиной на боку, сбитая с головы вожака, валялась на земле. Она и стала трофеем Генри Джонса.

По найденным в руинах документам, где-то юго-западнее от этого места должны были остаться целые складские здания, поэтому теперь они каждый день прочесывали местность в этом направлении, понемногу удаляясь от базового лагеря у маяка.

– Куда дальше, командир? – хмуро спросил Смит, остановившись.

Джонс догнал его в несколько шагов и, поравнявшись, указал на чудом уцелевшую, но лomanую и всю изогнутую вышку линии электропередач.

– Вот надо на тот торчащий зуб попробовать залезть да осмотреться, как стемнеет...

– Что высматривать?

– А ты не знаешь? Огни, конечно... В прошлый раз мы в направлении на северо-запад видели разезд всадников. Если они не призраки и у них живые лошади – им нужен лагерь, костер, вот это вот все. А тут местность открытая, костер ночью с вышки мы миль за шесть-семь увидим. Сегодня осмотримся – завтра будем идти спокойнее.

Забраться на вышку оказалось не таким уж и простым делом: она вся шаталась, ржавый металл противно скрипел и норовил рассыпаться. Мак-Кой и Смит с большими усилиями вскарабкались на ее середину еще в последних лучах заходящего солнца и осмотрели равнину, погружавшуюся во мрак. Никаких следов, ни кострищ, ни огней на горизонте. Вскоре они вернулись к остальным, расположившимся внутри остова разрушенного здания, которое ураган как будто бы срезал пополам на уровне окон второго этажа. В центре они развели в углублении небольшой костер, полностью скрытый от посторонних глаз – Джонс не забывал, что они были в переходе от лагеря на чужой территории.

– Ну как? – спросил Джонс. Мак-Кой покачал головой – ничего.

Джонс отрядил часового и прилег у костра вздремнуть, подложив под голову рюкзак. Как обычно во время рейдов, он моментально отключился, но не полностью, а впал как бы в легкое забытие, все-таки продолжая слышать, как бойцы вокруг собираются поближе к костру, тихонько беседуют, проверяют снаряжение и чинят одежду.

– Эй, Мак-Кой!

– Ну чего тебе?

– Да мы тут со Смитом на паек спорим, какой сейчас год. Ты не знаешь?

– Ну а мне-то, чего мне с вашего спора?

– Короче, смотри: сорок восьмой или сорок девятый?

– Да не знаю я! Тише ты, полковника разбудишь!

– Эй, Китано! Какой сейчас год?

– Лучший, чтобы умереть, воин.

Неожиданно шум в руинах заставил всех напрячься и взять в руки оружие. Джонс открыл глаза и одним движением поднялся, взводя пистолетный курок. Китано замер перед ним с винтовкой в руках и лишь глазами показал Джонсу куда-то вверх. Джонс медленно повернулся, уже слыша глухое раскатистое рычание и чувствуя мертвенный запах, – он почти наверняка знал, что именно увидит.

На третьем этаже соседнего здания, на целой горе битого кирпича, в лучах выглянувшей из-за облаков луны над ними стоял сам Тедди – Повелитель Руин. Он был огромный, иссиня-бурый, покрытый шрамами и подпалинами от бесчисленных сражений, с массивными лапами и крохотными, сверкавшими в неверном лунном свете глазками. Злыми подслеповатыми глазками. В пасти он держал объеденную половину человеческого тела. Видимо, верхнюю, но уже без головы. Тедди перестал урочно рычать, разжал клыки и уронил свое сокровище на камни, до Джонса через пару секунд дошла волна густого смрада. Тедди, очевидно, размышлял, стоит ли ему зарычать, или просто броситься на стоявших внизу людей. Один из его клыков был обломан, а из его мощного загривка торчал кусок то ли гарпуна, то ли тяжелой арбалетной стрелы. Все замерли и напряженно наблюдали за исполином. Неожиданно Тедди поднял голову, шумно понюхал воздух, коротко рыкнул и, развернувшись, исчез во тьме провала, ведущего вглубь здания.

Взрыв был такой силы, что его грохот прорвался даже сквозь шум ночного дождя. Спавшие вповалку в пустом холле на первом этаже заброшенного бизнес-центра солдаты встрепенулись, а Генри Джонс вспомнил, что уже давно не слышал ничего подобного. Наверное, со времен, когда волны мародеров наталкивались на их оборону базы и бои шли практически каждый день. Тогда еще оставались снаряды для автоматических пушек, атакующие и обороняющиеся использовали гранатометы, а всем на базе очень сильно досаждали минометные обстрелы. Он тогда умел отлично укрываться от разрывов мин в любом небольшом углубле-

нии. В предрассветный час, в разрушенном городе, среди потоков воды, этот одинокий взрыв прозвучал несколько неуместно.

Когда дождь прекратился, они добрались до района в паре кварталов от бизнес-центра, где, вероятно, произошел этот взрыв, аккуратно все обследовали и нашли развороченную машину. Взорвалось в районе бензобака, кузов был развернут наружу, а крыло отлетело на другую сторону улицы. Если бы не дождь, потушивший огонь, машина бы сгорела полностью и наверняка запалила бы всю округу.

– Гроза. Молния ударила, и пары бензина взорвались, – предположил Моррисон.

– Возможно, возможно. Все, заканчивайте. Выдвигаемся! До точки еще час пути, не меньше. – И Джонс жестом подозвал Китано. – Мистер Китано, пойдете впереди, особое внимание на крыши и верхние этажи.

Китано важно кивнул и направился вниз по улице, ведущей в сторону залива, никого не дожидаясь. Остальные засобирались вслед за ним. От воды уже тянуло свежестью, вероятно, она была где-то совсем рядом. Неряшливо качались пальмы, все еще уцелевшие во многих местах по краям улицы. Рассвет только занимался, и небо слева окрасилось в приятный розовый цвет.

Они шли вдоль одной улицы, потом свернули на следующую, шедшую под углом к первой. Идти стало заметно легче, улица тут спускалась к воде. Наконец они обогнули здание около перекрестка и прошли под широкой эстакадой, под которой достаточно высоко висел чудом сохранившийся скелет в истлевших лохмотьях, и только тогда увидели *его* во всей красе.

На рассвете, в первых и самых ярких после утреннего сумрака лучах солнца, которые пробилась сквозь стоящий над водой туман, громадный авианосец, выброшенный на берег залива, выглядел как голубой призрак. Его бескрайний корпус уходил вглубь тумана, и корма была все еще не видна. Он стоял немного наклонившись на один бок, словно пытаясь удержать равновесие на топком берегу. Корпус его был покрыт ржавчиной и наростами, а на верхней палубе уже виднелись первые укоренившиеся деревья. На его борту не было никаких надписей, но покосившаяся табличка на берегу извещала путешественников: «Музей Военно-морского флота США. Авианосец «Лексингтон».

– Ну вот он, Голубой Призрак, – произнес Джонс, ощущая, как колотится сердце.

– Ничего себе! – сказал Смит. – Какой он огромный...

– Что там внутри? Пошли посмотрим? – предложила Глория, переворачивая свою кепку козырьком на затылок.

– Одних снарядов там, наверное, на целую армию, – мечтательно протянул Мак-Кой и почесал бороду.

Ветер уже ощутимо дул с залива, разгоняя туман и принося с собой запах соли и рыбы. Они двинулись направо по берегу, пытаясь подойти к кораблю поближе. Джонс опасался, что добраться до авианосца будет сложно, но пирс каким-то чудом уцелел и провалился всего в нескольких местах. Однако, едва они вышли на него и, все ускоряя шаг, уже почти бегом направились к Голубому Призраку, счетчик Гейгера в руках Джонса предательски затрещал. Вся эта стальная громадина, полная несметных сокровищ, была смертельно радиоактивна...

В лагере у старого маяка, который так и стали называть – Лагерь-у-Маяка, был, кроме оборонительного периметра, еще один значительный плюс – сам маяк. Представлявший собой основательное кирпичное сооружение, он выдержал все ураганы и теперь отлично подходил для радиостанции. С базы Инглесайд на моторной лодке сюда доставили радио, генератор, дополнительную аппаратуру, на крышу маяка подняли найденную в руинах антенну, и теперь отряд мог слушать эфир. За несколько недель были найдены четыре регулярно выходящие

в эфир станции – Генри Джонс понял, что какие-то осколки цивилизации все же сохранились, однако теперь не знал, радоваться по этому поводу или опасаться.

Первая из найденных радиостанций, которая называлась «Голос Свободных Дорог», сообщила что в поселении Абилин теперь правят бандиты, а именно – группа Водилы. Его мотобанда находится в округе постоянно и патрулирует все окрестные дороги. Также сообщалось, что в развалинах авиабазы Дуэсс, что неподалеку от Абилина, поселилась крупная орда совершенно одичавших дикарей из пустошей. Это такие же существа, что нападали недавно на переселенцев из Оклахомы, и, вероятно, они же разорили стойбище Двухголового Медведя. Откуда они взялись и почему уничтожают поселения – никому не известно. Также не ясно, есть ли у них хоть зачатки разума.

Дальше Джонс и радист Моррисон слышали на коротких волнах странные и довольно пугающие передачи уже собственно с авиабазы Дуэсс. Эта станция передавала через равные промежутки времени блоки цифр по пять символов. В каждой передаче было от пяти до десяти блоков. И под конец передачи – всегда пять нулей. Иногда эти передачи прерывались одинаковыми записанными роликами с криками людей, женщин и мужчин. Судя по этим воплям, с ними происходило что-то ужасное.

Вещавшая регулярно военная радиостанция «Звезда Один» использовала закодированную частоту армии США, такую же, как и отряд Джонса. Поэтому они могли спокойно слушать передаваемые откуда-то из района восточней Далласа сообщения. Сообщалось, что в нескольких днях юго-западнее «Точки randеву Радий» патрулем был замечен танк, не принадлежащий дружественным силам. В связи с этим отряду с позывным «Спартанец Один» был отдан приказ срочно возвращаться на базу.

Еще одна станция, видимо, располагалась далеко, ее трансляция шла с очень значительными помехами на длинных волнах. Диктор с очень странным акцентом сообщал, что Сломанная Стрела отстраивается заново в восточных горах, а «люди обеих племен превращаются в одну общину». Жители гор пока не проявляют враждебности к чужакам, но избегают контактов с ними. Далее станция транслировала, вероятно, какие-то заклинания или заговоры, предназначенные для отпугивания от общины неких Хозяек.

Хроника Инглесайда: «Солдаты появились на якобы законсервированной еще до войны базе Военно-морского флота США Инглесайд в разгар хаоса первых месяцев после Армагеддона. Это были части 75-й учебной дивизии, расквартированные в Сан-Антонио, но не выдержавшие давления со стороны многочисленных мародеров и волн беженцев, покидающих разрушенный город. Однако военных ожидал достаточно приятный сюрприз: база полностью сохранилась и даже вела различные спасательные операции. В начале двадцать первого века здесь располагался один из постов прослушивания программы „Эшелон-2“, принадлежащий ЦРУ. В качестве прикрытия большую часть полуострова занимала опорная база береговой охраны, также на базе было расквартировано одно из подразделений сигнального корпуса и командование стратегических коммуникаций. Уже перед самым наступлением Первой Зимы Инглесайд многократно подвергался нападениям бандитов, искавших укрытия от холодов. Жестокие штормы, пришедшие вместе с зимними холодами, стали еще одним испытанием для расположенной на берегу базы. Однако этот форпост порядка выжил, и после окончания Первой Зимы его отряды стали реальной силой, пытавшейся установить контроль армии США над побережьем. Несмотря на очевидную тщетность этих усилий, небольшие группы солдат береговой охраны во время внезапных рейдов вглубь территории картеля Тихуана уничтожили не один десяток его боевиков и сорвали несколько крупных налетов Конфедерации Рейдеров».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.